

Лагерь Ля-Куртина

(Русская революция во Франции)

Юрий Лисовского

I

Ни для кого не было секретомъ, что въ серединѣ второго года міровой войны русское правительство направило во Францію известное количество нашихъ боевыхъ частей, предназначенныхъ для борьбы съ Германіей плечомъ къ плечу союзниками-французами.

О прибытии этихъ войскъ на территорію Франціи, соединенномъ съ бурными овациями и торжественнымъ дефилированіемъ ихъ по улицамъ Марселя и Парижа, широко писалось въ газетахъ, жадно ловившихъ каждую деталь этого исключительного события.

Ступивъ на французскую землю, прибывшіе русскіе воины были буквально засыпаны цветами и пережили настоящій триумфъ.

Переживъ триумфъ встрѣчи, русскія войска почти тотчасъ же заняли мѣст на боевыхъ секторахъ союзническаго фронта, всесчѣло подчинившись французскому командованію.

И опять въ Парижской и Петроградской печати звучали отзывы о русскихъ во Франціи, и о подвигахъ на поляхъ Шампани и Реймса и объ успѣхахъ нашего оружія на Македонскомъ фронтѣ, т. к. часть этого экспедиционнаго корпуса была направлена въ Салоники.

Наконецъ, уже спустя мѣсяцъ послѣ русскаго государственного переворота, въ газетахъ появилось описание побѣдоносной атаки русскихъ у замка Курси, отмѣченной особою благодарностью французскаго главнокомандующаго.

Всльдѣ за тѣмъ, вокругъ имени русскихъ во Франціи... водворяется гробовое молчаніе.

Лѣтомъ и осенью 1917 года въ русской печати временѣя Керенскаго изрѣдка проскальзываютъ краткія замѣтки о революціонныхъ безпорядкахъ среди нашихъ войскъ во Франціи, и, подъ конецъ, помѣщается официальная отчетно-телефрамма русскаго военнаго представителя въ Парижѣ. Въ этой телеграммѣ доносилось о вспыхнувшемъ среди русскихъ солдатъ въ лагерѣ Ля-Куртина вооруженномъ мятежѣ и подавленіи этого мятежа вооруженной силой.

Никакихъ другихъ подробностей, касающихся разыгравшейся въ центрѣ Франціи русской трагедіи, въ газетахъ не появлялось.

Послѣдовавшій всльдѣ за тѣмъ большевистскій переворотъ окончательно прервалъ всякую нормальную связь между Россіей и Франціей, уничтоживъ вмѣстѣ съ тѣмъ и связь между Россіей и тѣми русскими, которые въ силу условій войны были переброшены на французскую территорію.

Какъ и всегда бываетъ въ аналогичныхъ случаяхъ, недостаточная освѣдомленность широкихъ круговъ общества породила множество самыхъ разнообразныхъ и невѣрныхъ слуховъ, въ той или другой степени волновавшихъ лицъ, заинтересованныхъ судбою нашего русскаго отряда во Франціи.

Рассказывалось о страшномъ побоищѣ, происшедшемъ «между русскими и французами», о демонстративномъ уходѣ русскихъ съ французскихъ позицій во время боя, съ очищеніемъ сектора, о громадномъ количествѣ жертвъ, убитыхъ во время подавленія мятежа.

Слухи эти, разумѣется, не имѣютъ ничего общаго съ истиной. Ни одинъ французъ никогда не участвовалъ въ подавленіи мятежа русскихъ войскъ, и ни одна наша часть не покидала во время боя довѣренныхъ ей союзниками позицій, а вся русская революція во Франціи произошла въ глубокомъ тылу, въ однѣ изъ самыхъ тихихъ департаментовъ страны.

Не было и того громаднаго количества жертвъ, о которыхъ передавалось въ энѣ достовѣрныхъ слуховъ.

Но, какъ бы то ни было, русская трагедія разыгравшаяся во Франціи имѣла въ ней свое опредѣленное мѣсто и заставила не одну тысячу русскихъ людей пережить дни и часы разнообразныхъ волненій и страданій.

Что же въ дѣйствительности произошло съ русскими войсками во Франціи, въ чмъ выразилась ихъ «революція», явившаяся слѣдствіемъ всего того, что произошло на неизмѣримыхъ пространствахъ Россіи, и имѣвшая общія причины въ послѣднімъ? Какъ отнеслись ко всему произошедшему французы, эти — наѣдники предковъ, составившихъ азбуку революціи для всѣхъ странъ? Кто и какую роль игралъ въ этой необычайной по своей обстановкѣ исторической драмѣ и чмъ закончился ея послѣдній актъ?

Будучи непосредственнымъ свидѣтелемъ многаго изъ того, что совершилось въ русскими во Франціи въ дни революціи и войны, я могу въ настоящее время подѣлиться съ читателемъ своими воспоминаніями.

И если нѣкоторыя мѣста моего разсказа окажутся впослѣдствіи полезными для беспристрастного историка — я буду вполнѣ удовлетворенъ выполненнымъ мною.

II

Въ началѣ апрѣля 1916 года, подъ звуки марсельезы и русскаго гимна, пошли къ берегамъ Марселя военные транспорты «Латушъ Трувиль» и «Гималаи», привезшіе во Францію два первыхъ русскихъ полка подъ командой генерала Лохвицкаго.

Для того, чтобы достичь Франціи, полкамъ этимъ пришлось совершить гигантское путешествіе, связанное съ цѣлыми мѣсяцами пребыванія на морѣ.

Съ момента установленія германской блокады всякое движеніе по Сѣверному морю пассажирскихъ пароходовъ было прекращено и между берегами Норвегіи и Англіи стали дѣлать рейсы только одни военные быстроходныя суда, охранявшіяся цѣлыми эскадрами миноносцевъ.

Но для перебрасыванія изъ Россіи во Францію цѣлыхъ эшелоновъ русскихъ войскъ и этотъ новый «сѣверный путь» былъ непригоденъ.

Черезъ Торнео, Стокгольмъ, Христіанію и Бергенъ могли ъздить только одиночные «мирные» пассажиры, или же преодѣльть въ статское платье и снабженные особыми дипломатическими паспортами военные курьеры.

И потому сформированные въ центрѣ Россіи особые полки двинулись въ лутъ по совершенно новому маршруту — черезъ всю Сибирь вплоть до порта Дайрень, откуда и поплыли черезъ Сингапуръ и Суэцъ къ Марселю.

Несмотря на усиленныя старанія непріятеля пустить «Латушъ Трувиль» и «Гималаи» въ Средиземномъ морѣ ко дну, русскимъ транспортамъ удалось

счастливо избѣгнуть всѣхъ роковыхъ встрѣчъ съ подводными лодками и дости-
береговъ Марселя, гдѣ ихъ уже давно ожидала восторженная встрѣча французовъ.

* * *

Если объективный читатель возьметъ на себя трудъ тщательно разобраться въ этапахъ минувшей войны и припомнить всѣ обстоятельства и теченіе дѣлъ на фронтахъ въ концѣ 1915 и началѣ 1916 года — ему будетъ не трудно объяс-
нить себѣ причины необычайного восторга, охватившаго французовъ при извѣ-
стіи о прибытіи на ихъ территорію первыхъ эшелоновъ русскихъ войскъ.

Начало второго года войны было мало утѣшительнымъ для союзниковъ. Всѣ шансы на побѣду были въ рукахъ Германіи. Стремительнымъ натискомъ на плохо снабженныя оружіемъ русскія арміи — нѣмцы заставили насъ очистить Львовъ и Варшаву, забрали всѣ русскія крѣпости и, продвигаясь вглубь Россіи, къ началу зимы успѣли оккупировать шестнадцать нашихъ губерній. Для фран-
цузовъ начались страдные, тяжкіе, полныя самыхъ суровыхъ опасеній дни, ко-
торые можно озаглавить «эпохой Вердена».

Страшна и ожесточенна была борьба — и дорого обошелся Верденъ нѣм-
цамъ, терявшимъ громадное количество лучшихъ солдатъ при атакѣ на форты и укрѣпленныя позиціи французовъ. Широкимъ ручью лилась кровь и во
французскомъ лагерѣ. Каждый день подходили къ Восточному вокзалу Парижа
печальные поѣзда съ изувѣченными воинами и каждый день облекались въ трауръ
все новыя и новыя матери и вдовы. Въ эти дни Парижъ буквально переполнялся
женщинами въ черномъ. Траурный крэпъ и бѣлыя плерезы мелькали на каждомъ
шагу, совершенно затемняя обыкновенныя дамскія платья, тонувшія въ этихъ
нарядахъ общей печали. Въ рѣдкомъ домѣ не оплакивали кого-либо изъ пав-
шихъ; молчаливая, глубокая скорбь повисла надъ Парижемъ, а вмѣсть съ нимъ
и надъ всею Франціей, хорошо понимавшей весь трагизмъ переживаемыхъ дней.
А бои у Вердена не прекращались, продолжали гремѣть съ прежнею силой, и
никто не предвидѣлъ конца грознаго потока жертвъ, приносимыхъ арміей во имя
отечества.

Никто изъ французовъ не сомнѣвался въ неизмѣнномъ героизмѣ офице-
ровъ и солдатъ, въ твердости ихъ духа и безукоризненному снабженію арміи бо-
евымъ матеріаломъ. Но при видѣ нескончаемаго ряда павшихъ и горькаго по-
тока слезъ обездоленныхъ близкихъ — французскіе тылы, и въ особенности Па-
рижъ, стали испытывать новыя, беспокойныя чувства. Французы видѣли, что
гибла — роковымъ образомъ гибла и уничтожалась живая сила арміи, таялъ
цвѣтъ населенія Франціи, призракъ надвигающагося безлюдья все ближе и
ближе подходилъ къ потомкамъ галловъ. И ни правительство, ни главная квар-
тира, ни обширная парижская пресса не могли уже подыскать средства для того,
чтобы хотя отчасти поддержать и поднять духъ виадавшаго въ уныніе фран-
цузскаго тыла.

И вотъ тогда-то, сначала глухо, подъ сурдинку, стали передаваться изъ устъ
въ уста слухи о согласіи Россіи прислать на территорію Франціи любое количе-
ство солдатъ.

Говорилось въ Парижѣ и Ниццѣ, въ Ліонѣ и Бордо, говорилось въ кофей-
няхъ, у прилавковъ табачныхъ магазиновъ, въ мелкихъ ресторанчикахъ — го-
ворилось въ часы предобѣденныхъ рюмокъ аперитива и вечернихъ стакановъ
грога и вина. И всѣ эти разговоры ловила обширная патріотическая пресса
французовъ и наполняла свои столбцы утѣшительными намѣками, подобными
тѣмъ, о которыхъ я уже говорилъ выше.

Слышались ли подобные разговоры во французской арміи, на поляхъ Шам-
пани и у фортовъ Вердена? Съ полною увѣренностью могу сказать, что нѣтъ.
Самолюбивая армія Франціи не ждала ничьей помощи, дралась на фронтѣ, бу-

дучи увѣрена въ своей непобѣдимой силѣ, но, разумѣется, истекала кровью, чого не могъ не замѣтить встревоженный тылъ.

И этотъ тылъ къ марта 1916 года опредѣленно ждалъ пришествія русскихъ, которыхъ должно было придти несмѣтное количество.

— Лишь бы пришли, лишь бы заняли траншеи и дали возможность передохнуть нашимъ храбрымъ *poissons!*

Всего немногого времени — а тамъ англичане поставлять на фронты новую армію. Лишь бы пришли теперь. Пусть їдуть безъ всего — безъ пушекъ, безъ винтовокъ; у насъ всего довольно — намъ нужны только люди... Прибудутъ — мы побѣдимъ... *On les aura!*

Такъ говорили...

И они пришли...

Не пришли, а приплыли къ южному берегу Франціи, сдѣлавъ гигантское путешествіе въ тридцать тысячъ верстъ и пробывъ въ дорогѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Еще задолго до того момента, когда «Латушъ Трувиль» причалилъ къ Марсельскому молу новое и необычное настроеніе охватило пестрое населеніе этого города и толкало его къ набережной, гдѣ уже выстраивались войска и собирались прибывшія изъ Парижа официальные лица.

Сходившіе на Марсельскій берегъ русскіе для вѣсма большого процента французовъ были людьми прибывшими изъ почти невѣдомой страны востока, страны вѣчныхъ снѣговъ и мороза, въ коей не рѣдкость встрѣтить гуляющаго по улицамъ города бѣлаго медвѣдя.

Вѣсма возможно, что многіе изъ читателей меня упрекнутъ въ преувеличеніи. Но я уже предупредилъ въ началѣ своего очерка, что буду всѣми силами стремиться быть только объективнымъ и основываться исключительно на фактахъ.

Въ томъ, что многіе изъ французовъ и француженокъ представляли себѣ Россію, какъ страну вѣчныхъ снѣговъ и трескучихъ морозовъ — намъ приходилось неоднократно убѣждаться изъ разговоровъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ прямо поражали своею наивностью.

Большинство французовъ считало, что русскому человѣку никогда не можетъ быть во Франціи холодно, т. к. холода и морозы Франціи должны ему представляться чѣмъ-то вродѣ теплой осенней погоды въ Россіи. И потому приходилось подолгу объясняться и съ хозяевами гостиницъ въ Парижѣ и Шалонѣ, не желавшими топить комнаты въ декабрскіе и январскіе дни, и съ интенданскими офицерами въ лагеряхъ Майи и Мурмелона, всѣми силами стремившимися экономить уголь для отопленія бараковъ, въ которыхъ размѣстились русскіе солдаты.

— *Mais comment!* — удивленно говорили они. — Вѣдь вы же русскіе — неужели же вамъ холодно? Вѣдь у васъ всегда морозы въ Россіи.

И нужно было обстоятельно толковать нашимъ союзникамъ о томъ, что, несмотря на русскіе морозы и мятежи, никто изъ насъ не живеть зимою въ непотепленныхъ помѣщеніяхъ и не ходить по морозу раздѣтымъ въ силу привычки къ низкой температурѣ.

Когда-же кто-нибудь изъ насъ начиналъ читать французамъ краткую лекцію русской географіи и указывалъ на величину Россіи и разнообразіе ея климатовъ, упоминая о южныхъ областяхъ, Туркестанѣ, Сочи и Ялтѣ, лежащихъ почти на одной параллели съ Ниццей и Марселеемъ — на лицахъ нѣкоторыхъ французъ-слушателей выражалось самое искреннее удивленіе.

— „*Tien!*“ — добродушно замѣчалъ какой-нибудь *„aspirant“* или хозяинъ табачного буру. — А мы думали, что у васъ всегда снѣгъ и морозъ!..

Вотъ, что, приблизительно, писалось въ „*Illuustratio*“ о прибытии въ Марсель первыхъ русскихъ эшелоновъ:

«Мы ихъ ждали на берегу долго, почти три дня... Море войны полно самыхъ суровыхъ случайностей, а потому всякий пойметъ восторгъ, охвативший

каждаго, когда черный дымъ ихъ кораблей показался на горизонть... Русскіе наши «маленькие русскіе» — (nos petits russes), наконецъ ступили на землю стой Франціи для того, чтобы вмѣсть съ нами идти въ бой съ врагами... Мы с радостью смотрѣли на лица этихъ бойцовъ, переплыvшихъ столько морей, чтобы достичнуть цѣли. Эти лица — лица маленькихъ мальчиковъ на корпусѣ взрослого мужчины, дѣлски улыбавшіяся при полученіи винтовокъ, которыя немедленно вручались каждому русскому солдату при выходѣ на берегъ».

Вооружились наши войска, дѣйствительно, только по прибытіи на французскую землю и слѣдовали изъ Россіи безоружными.

Винтовки были выданы въ Марсель тотчасъ же, немедленно по сходѣ съ трапа, такъ что расцвѣченныя флагами и запруженныя толпой улицы Марселя увидали наши первые полки во всеоружіи, ощетинившіеся массою штыковъ.

И опять летѣли имъ подъ ноги цветы, гремѣли восторги и рукоплесканія.

Я уже упоминалъ, что первая русская бригада пришла во Францію подъ командой генерала Лохвицкаго. Николай Александровичъ Лохвицкій — старый боевой офицеръ, — бывшій Командиръ Красноярского полка, раненый и награжденный Георгіевскимъ Крестомъ за бои подъ Лодзью и Варшавой въ 1914—1915 годахъ.

Вмѣстѣ съ Лохвицкимъ пріѣхали во Францію — Командиръ 1-го особаго полка полковникъ Нечволововъ и Командиръ 2-го полка полковникъ Дьяконовъ, начальникъ штаба бригады полковникъ Щелоковъ, Командиръ Маршеваго батальона полковникъ Севенардъ и др.

Всѣ эти старшіе офицеры почти немедленно по пріѣздѣ во Францію были удостоены ордена почетнаго легіона и появились на фронѣ уже украшенными этой высокою французскою наградой.

Быстро узналъ о приходѣ русскихъ Парижъ, и вслѣдъ за нимъ и вся Франція.

И великое совершилось.

Духъ французского тыла, столь важный въ этотъ моментъ и столь грозный по своимъ послѣдствіямъ въ случаѣ упадка — былъ спасенъ и поднятъ.

Прибыли всего два первыхъ полка — но какое трудное моральное сраженіе было выиграно...

— Ихъ авангарды уже у насъ, — говорилось въ кафе и на бульварахъ. — За авангардомъ придутъ другіе — много другихъ. Россія пришлетъ своихъ людей — теперь это уже не сказка... Франціи нечего бояться — люди у насъ будутъ!..

III

Вполнѣ понятно, что все дальнѣйшее путешествіе первой русской бригады отъ Марселя къ лагерю Майи, гдѣ ей было указано расквартироваться для отдыха передъ отправленіемъ на фронѣ — было сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ.

Дѣлались остановки, произносились рѣчи, устраивались обѣды, толпами сходились къ мѣстамъ торжества празднично настроенные люди. Нечего и говорить о томъ, какую роль игралъ въ эти минуты искренній восторгъ французскихъ женщинъ.

Я не говорю о кокетливыхъ восторгахъ экспансивныхъ парижанокъ, которыхъ вовсе не хочу брать въ расчетъ. Была другая болѣе обширная и болѣе глубокая радость. Эта была радость матерей, женъ и невѣстъ, видѣвшихъ въ пріѣдшихъ изъ дальнихъ странъ русскихъ мужчинахъ своихъ безкорыстныхъ защитниковъ отъ страшнаго горя — горя потери дорогихъ сердцу собственныхъ мужчинъ, на помощь которымъ шли эти русскіе.

И среди грома музыки и криковъ энтузіазма, тихо, но искренне звучали слова, оставлявшія наиболѣе глубокій слѣдъ въ сердцахъ нашихъ Ивановъ и Тимофеевъ, отлично понимавшихъ многое безъ знанія чужеземнаго языка.

— У нихъ, у этихъ „petits russes“ также есть жены и дѣти...—замѣчили женщины. — Они ихъ оставили въ своей странѣ, пріѣхали къ намъ... Вернутся ли они обратно въ свою Россію? Вѣдь и у нихъ, у русскихъ есть сердце и любовь... Бѣдные „petits russes“...

И движимыя самыми святыми побужденіями, французскія женщины во мнози помогали русскому человѣку, заброшенному войной и исторіей въ чужую, незнакомую и далекую отъ родины среду.

Лагерь Майи, гдѣ размѣстились немедленно вслѣдъ за своимъ прибытіемъ во Францію первые русскіе полки, расположены километрахъ въ тридцати отъ Шалона на Марнѣ. Русскія боевые части не долго задержались на отдыхѣ въ лагерь и уже въ серединѣ лѣта заняли опредѣленный секторъ въ районѣ Реймса. Въ Майи остался только маршевый батальонъ, несшій обычную гарнизонную службу.

Дни восторженныхъ встрѣчъ и шумныхъ тріумфовъ прошли, и для тѣхъ, кто занялъ мѣста во французскихъ траншеяхъ, наступило время обычной боевой страды, отличавшейся отъ страды на русскомъ фронтѣ только тѣмъ, что раненыхъ эвакуировали въ Парижъ и другіе города, а убитыхъ зарывали во французскую землю.

Въ началѣ августа въ Брестѣ начали прибывать новые русскіе эшелоны. Одинъ за другимъ приплыли изъ Россіи еще шесть русскихъ полковъ, слѣдовавшихъ уже новымъ, болѣе краткимъ путемъ, а именно черезъ Архангельскъ и воды Сѣвернаго и Атлантическаго океановъ.

Не всѣмъ изъ этихъ полковъ было суждено окончить свое путешествіе конечной остановкою на секторахъ французскаго фронта.

На поля Шампани вслѣдъ за первой бригадой направились только еще два полка, остальные же четыре, къ немалому своему удивленію и неудовольствію, были направлены въ Салоники, для участія въ бояхъ Македонскаго фронта.

Во главѣ бригадъ, направленныхъ въ Салоники стояли генералы Диедрихъ и Леонтьевъ: салоникскіе войска оставались на своемъ фронтѣ до 1918-го года, когда были сняты французами и эвакуированы въ тылъ.

И послѣ прихода послѣдняго эшелона, прибывшаго въ Брестъ къ первымъ числамъ сентября, стало извѣстнымъ, что дальнѣйшая переброска русскихъ войскъ будетъ прекращена и что союзныя правительства постановили ограничить число русскихъ во Франціи раньє присланными войсками. Это извѣстіе уже не волновало французовъ. Нужный моментъ прошелъ, обстоятельства измѣнились, новые горизонты открылись вдали.

Началась осень 1916 года — унылая, сырая и холодная французская осень, съ ея дождями, вѣтромъ и липкою грязью лагерей Майи и Мурмелона, гдѣ располагались наши тылы; дошли вѣсти о неудачахъ румынъ, потерявшихъ къ серединѣ ноября свою столицу.

И опять заговорили въ кафе, у прилавковъ табачныхъ лавокъ и въ маленькихъ brasseries. Вмѣстѣ съ осеннею дожедовою пылью въ воздухѣ стали носиться новые, расплывчатые слухи, полные новой тревоги и новыхъ разочарованій. И очень многимъ изъ русскихъ въ скоромъ времени пришлось убѣдиться, что въ этихъ слухахъ было очень мало утѣшительного для нашего национального самолюбія.

Что-же, собственно, говорилось?

Говорилось о томъ, что безконечно жаль бѣдныхъ и благородныхъ румынъ, хорошихъ и культурныхъ румынъ, сдѣлавшихся жертвою такой ужасной измѣны, такого жестокаго предательства... Кто-то предалъ Румынію и заставилъ ее потерять Бухарестъ, потерять лучшія области... А предавъ Румынію, этотъ

предатель, разумѣется, предалъ и другихъ союзниковъ, вынужденныхъ снова напрягать свои усилия и изнемогать въ борьбѣ...

И очень скоро удалось разобрать, что французы прозрачно обвиняли въ предательствѣ никого другого, какъ Россію и русскихъ... Говорилось, правда, не о Россіи, а о ея министрахъ, работающихъ въ пользу Германіи, въ особенности о Штюрмерѣ, будто-бы «умышленно направившемъ цѣлые транспорты французскихъ снарядовъ, предназначенныхъ румынамъ, куда-то въ Сибирь»... Но слухи о преступлении Штюрмера, гулявшіе по Франціи, сразу же замѣтно измѣнили отношение французовъ къ Россіи вообще и въ особенности къ тѣмъ ни въ чёмъ неповиннымъ нижегородскимъ и тульскимъ мужичкамъ, которые сидѣли въ мокрыхъ траншеяхъ Шампани.

Послѣдніе дни ноября 1916 года были тѣмъ моментомъ, когда окончательно уявили и послѣдніе цвѣты, поднесенные намъ въ Марсель въ часы весеннаго триумфа. Къ этому времени во Франціи уже не стало больше “*petits russes*”, — эти ласковыя слова сохранились только какъ воспоминаніе въ старыхъ журналахъ, которыхъ теперь уже никто не читалъ.

Кто, когда и какими судьбами опредѣленно и замѣтно портилъ отношенія между русскими и французами во Франціи — въ точности опредѣлить трудно. Но я не впаду въ ошибку, если отмѣчу, что къ 1-му января 1917 года, т. е. еще за два мѣсяца до отречения Николая II-го, отношенія эти были въ достаточной степени испорчены и не влекли за собою съ обѣихъ сторонъ ничего, кроме самыхъ печальныхъ разочарованій. Было несомнѣнно ясно только одно, что отношенія портились не однимъ естественнымъ путемъ, а что кто-то нашептывалъ, наушничалъ и подстрекалъ однихъ противъ другихъ.

VI

Многимъ изъ читателей, даже не бывшихъ въ Парижѣ, хорошо известно о существованіи древняго «Латинскаго квартала», гдѣ по старому обычаю давно селилась русская учащаяся молодежь, политическіе эмигранты и все то, что по тѣмъ или другимъ причинамъ должно было оставить родину и пользоваться гостепріимствомъ Франціи.

Въ то время, когда наши полки приѣхали въ Марсель, мало кто думалъ о внутренней политикѣ Россіи и не дѣлилъ русскихъ людей на большевиковъ, меньшевиковъ, соціалистовъ и монархистовъ, такъ какъ у всѣхъ на умѣ и сердцѣ было только одно — война съ нѣмцами.

И приѣхавъ во Францію, уходившіе на фронтъ русскіе солдаты, если о чёмъ и мечтали, то только о возвращеніи живыми въ Россію, отъ которой на неопредѣленный срокъ оторвала ихъ судьба. Правила французскаго фронта давали возможность каждому изъ солдатъ въ извѣстномъ порядкѣ брать „*permission*“ иѣздить въ отпускъ не только въ Парижѣ, но и на берега Средиземнаго моря — въ Ниццу, Монако и Ментонъ.

Уѣзжая небольшими группами, они не долго страдали отъ тягостнаго незнакомства съ чуждымъ языкомъ. На бульварахъ и *avenues* Парижа къ нимъ почти всегда подходили русскіе люди изъ Латинскаго квартала, привѣтливые, отзывчивые, обрадованные встрѣчей съ настоящими своими земляками. И благодаря этимъ встрѣчамъ, почти всѣ «земляки» приобрѣтали прочныя русскія знакомства, которыя не только давали имъ возможность имѣть хорошихъ гидовъ для прогулокъ и осмотра достопримѣчательностей, но и входить въ уютныя квартиры, получать въ нихъ гостепріимный ночлегъ, столь и даже деньги.

И рѣдкій изъ нашихъ земляковъ, побывавъ въ Парижѣ, не пріобрѣталъ себѣ знакомыхъ въ Латинскомъ кварталѣ. А въ кварталѣ этомъ, вмѣстѣ съ искренними русскими эмигрантами-патріотами, проживало не малое количество

«пацифистовъ» и «пораженцевъ». Ютились тамъ и люди, не исповѣдывавшіе никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій, но готовые за хорошее вознагражденіе выполнять какую угодно миссію.

Въ октябрѣ 1916 года, въ скверный осенний вечеръ, я шелъ по бульвару Сент-Жерменъ и, будучи еще плохо знакомъ съ Парижемъ, въ раздумья остановился на углу, стремясь ориентироваться. На мнѣ была простая «фронтовая» солдатская шинель съ такими же простыми суконными погонами, на которыхъ за дождемъ и темнотою было невозможно различить офицерскіе знаки.

— Запутались, дорогой!.. привѣтливо заговорилъ кто-то около меня на чисто русскомъ языкѣ. — Куда направляетесь и что ищете?

Говорилъ штатскій, брюнетъ, небольшого роста, довольно прилично одѣтый, лѣтъ тридцати на видъ. Я поблагодарилъ и назвалъ нужную мнѣ улицу.

— Отлично... Это въ сторону Монпарнасса... Я васъ провожу, т. к. мнѣ по дорогѣ... Впрочемъ, если бы даже и не по дорогѣ — развѣ можно оставить своего русскаго...

Мы пошли рядомъ и за четверть часа хода я услышалъ отъ моего любезнаго провожатаго не мало новаго.

Глубоко сочувствуя нашей невольной оторванности отъ родины, онъ безпощадно клеймилъ французовъ, подробно перечислялъ всѣ ихъ недостатки и въ результатѣ сообщилъ, что если нѣмцы плохи, то французы еще хуже.

— О, я ихъ хорошо знаю, этихъ господъ! Я двѣнадцать лѣтъ въ Парижѣ... Вы всѣ для нихъ только пушечное мясо, купленное за гроши, за сантимы... Это ужасно... Вы, вѣдь, кажется, вольноопредѣляющійся?

Услышавъ мой отвѣтъ о томъ, что я офицеръ, мой случайный знакомый вдругъ остановился, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на мои суконные погоны и вдругъ, почему-то извинившись, быстро откланялся, даже забывъ указать мнѣ на прощеніе направленіе Монпарнасса.

Такова была моя личная встрѣча. И таковы были многія встрѣчи нашихъ простыхъ солдатъ, прѣѣждавшихъ съ фронта въ Парижъ.

Къ январю мѣсяцу 1917 года большинство русскихъ солдатъ во Франціи уже твердо исповѣдовало убѣженіе, что всѣ они «проданы французамъ за снаряды» и не питало къ хозяевамъ-союзникамъ ни малѣйшихъ симпатій.

Кто былъ виноватъ въ этомъ — сказать трудно. Но во всякомъ случаѣ не одни русскіе «пацифисты» и «пораженцы». Случалось, что отношенія ухудшались и по винѣ самихъ французовъ, неосторожно бросавшихъ въ среду нашихъ солдатъ слова и фразы, сильно дѣйствовавшія на ихъ своеобразное самолюбіе. Вѣрнѣе всего, что и сами эти отдельные французы не могли подозрѣвать, что произносимыя ими «мелькомъ» слова могутъ имѣть серьезное общее значеніе.

Такъ, напримѣръ, однажды осенью, въ лагерь Майи пришла уже съ фронта часть русскихъ солдатъ и размѣстилась въ отведенныхъ ей баракахъ. Помѣщенія были сравнительно хорошия, но нашимъ «землякамъ» показалось, что количество умывальниковъ, имѣющихъся въ баракѣ, недостаточно по отношенію къ количеству помѣщенныхъ въ немъ людей.

Французскій интендантъ лагеря прислалъ двухъ своихъ сержантовъ съ приказаниемъ обслѣдовать вопросъ объ умывальникахъ. Въ результатаѣ, все кончилось благополучно и небольшой этотъ вопросъ былъ вполнѣ урегулированъ, но исполнявшіе порученіе французскіеunter-офицеры позволили себѣ „en passant“ громко высказывать сужденія, которыя долго не могли забыть пришедшіе съ позицій русскіе.

— Что еще за претензіи у этихъ русскихъ! — ворчали сержанты.

— Сколько лѣтъ въ этихъ баракахъ останавливались наши собственные солдаты и были доволѣны! А русскіе недоволѣны. Voyons. Что они, англичане, что ли?

Говорилось это, повторяю, «мелькомъ», съ обычною манерою «ворчать», усвоенною старыми французскими военными еще со временъ Наполеона, но говорилось громко и въ присутствіи усталыхъ нашихъ земляковъ, среди которыхъ были переводчики и уже понимавшіе по-французски люди.

Въ силу всѣхъ этхъ обстоятельствъ, наши солдаты къ январю 1917 года уже не могли имѣть никакой естественной и духовной связи съ французами и отношенія людей нашего экспедиціоннаго корпуса съ французами поддерживались только формалистикой.

А когда въ этотъ же лагерь Майи пришли на отдыхъ нѣсколько дивизій бельгійцевъ, — то безъ всякаго официального принужденія между нашими и бельгійскими солдатами произошло настоящее братаніе, продолжавшееся нѣсколько недѣль; по неизвѣстной причинѣ бельгійцы оказались какъ нельзѧ болѣе сходными по духу и взглядамъ съ русскими простодушными людьми, и какъ встрѣтились, такъ и разошлись друзьями.

Какъ въ это время относилось къ нашимъ войскамъ высшее французское командованіе и французское офицерство? Вопросъ этотъ очень простой и не требуетъ длиннаго отвѣта.

Я уже отмѣчалъ и раньше, что французскіе военные были всегда горды и самолюбивы, на что имѣли полное право. И не разсыпаясь въ льстивыхъ комплиментахъ передъ нашими солдатами въ минуты весеннаго триумфа, они почти такъ же относились къ русскимъ и зимою 1916—1917 г., когда триумфъ былъ забытъ.

Высшее же командованіе, занятое по горло боевыми операциями, смотрѣло на русскія войска во Франціи почти исключительно съ точки зрѣнія боевого ихъ значенія въ данную минуту: на фронтѣ стояли двѣ русскія бригады — и на нихъ смотрѣли какъ на двѣ бригады, т. е. такъ, какъ смотрѣли бы на двѣ бригады англійскихъ, бельгійскихъ или португальскихъ войскъ, которыя такъ же занимали мѣста на секторахъ.

Въ мою задачу не входитъ описаніе пребыванія русскихъ на боевыхъ участкахъ фронта, также какъ и описание многихъ общихъ и отдѣльныхъ ихъ подвиговъ, которые несомнѣнно имѣли мѣсто. За все время своего стоянія на секторахъ, русскія войска ни разу ничѣмъ не затемнили общаго представленія о нашей боевой доблести и оставили на поляхъ Шампани достаточное количество славныхъ могилъ. Французское командованіе съ удовольствіемъ отмѣчало въ приказахъ русскія отдѣльныя вылазки къ непріятелю, всегда успѣшныя и самоотверженныя, любовалось ловкостью нашихъ воиновъ, побившихъ настоящій рекордъ въ метаніи гранатъ, и отдавало должное храбрости такихъ начальниковъ или духовныхъ вождей, какъ генералъ Лохвицкій, полковникъ Готтуа или священникъ Соколовскій. Послѣднему между прочимъ было посвящено въ свое время не мало газетныхъ статей и замѣтокъ.

Священникъ Соколовскій съ группой русскихъ разведчиковъ направился на ночную вылазку въ тылъ расположенія нѣмцевъ, потерялъ во время этой вылазки правую руку, возвратился со своими солдатами въ русскія траншеи и вслѣдъ за тѣмъ едва не умеръ отъ потери крови.

Французъ-санитаръ, принявшій въ госпиталь на свое попеченіе священника, согласился удѣлить умиравшему часть своей собственной крови и предоставилъ себѣ для операции «переливанія». Операция удалась, русскій священникъ выздоровѣлъ, а гуманный французъ-санитаръ получилъ русскій Георгіевскій Крестъ.

Періодъ пребыванія русскихъ на французскомъ и македонскомъ фронтахъ въ смыслѣ боевомъ — долженъ имѣть своего особаго историка.

Мою же задачей является приблизительное изложеніе фактовъ и событий, постепенно приведшихъ во всей своей сложности къ печальной трагедіи, Ля-Куртинской, и фотографированіи всего того, что я самъ видѣлъ въ этомъ Ля-Куртинѣ, имя котораго хорошо извѣстно многимъ.

* * *

Ізвѣстія о начавшейся въ Петроградѣ февральской революціи почти не до-
летали до Франціи и до нашихъ войскъ, продолжавшихъ, благодаря своей отор-
ванности, пребывать въ полномъ нейдѣніи о творившемся въ Россіи.

Въ этомъ нейдѣніи пребывали не только солдаты и офицеры, но и само
русское посольство, куда приходили, повидимому, только очередныя бюрократи-
ческія телеграммы.

Французскія газеты не давали ничего, кромѣ мелкихъ замѣтокъ о томъ,
что въ Петроградѣ были какія-то манифестаціи, въ которыхъ принимали участіе
войска, и что во время этихъ манифестацій народъ кричалъ: „Vive l'armee!“
а войска кричали „Vive le peuple!“

Задолго до этого, еще въ декабрѣ 1916 года, въ газетахъ писалось объ
убийствѣ Распутина, и даже помѣщался его портретъ, найденный, какъ говорили,
у какого-то изъ проживавшихъ въ Парижѣ опальныхъ придворныхъ.

Французы въ достаточной мѣрѣ интересовались этою сенсаціонною ново-
стью и съ любопытствомъ распрашивали у нашихъ солдатъ, кто былъ этотъ
замѣнитѣй монахъ, котораго убили въ Петроградѣ русскіе князья, и чѣмъ былъ
этотъ монахъ замѣчателенъ...

И только 3-го марта ст. ст., въ полдень, когда дневныя газеты извѣстили объ
отреченіи Императора Николая II, вся Франція, а вмѣстѣ съ нею и мы, неожидан-
но встрепенулись какъ отъ удара грома и поняли, что въ Россіи не только совер-
шилось, но и творилось что-то особенное.

Имя отрекшагося царя было на устахъ у всѣхъ французовъ. Большинство
хотѣло помѣстить на своихъ столбцахъ посвященную ему статьи, отмѣчая въ
нихъ трогательное благородство Николая II, рѣшившаго принести въ жертву ин-
тересамъ родины собственное благополучіе.

Какъ я уже говорилъ выше, французы платонически любили „le Tzar russe“,
а потому неожиданное отреченіе популярной во Франціи фигуры русскаго мо-
нарха не было встрѣчено сочувствіемъ старыхъ республиканцевъ.

— Какое горе, какая грустная новость! — говорили случайные францу-
зы при встрѣчахъ съ русскими. — Pauvre Tzar! Вамъ очень жаль его, не-
правда ли?

Приходилось убѣждать французовъ, говоря, что все къ лучшему и что послѣ
отреченія царя будетъ лучше.

Черезъ два дня послѣ переворота уже говорилось другое, новое, пѣлись
новыя пѣсни, полныя похвалъ великой странѣ востока; говорилось такъ, что мы
всѣ снова почувствовали себя гордыми ея представителями.

— Какъ быстро, какъ умно и какъ безкровно совершили вы вашъ перево-
рот! Удивительно... О, у васъ есть люди! Вы увидите, какъ быстро мы теперь
всѣ раздѣляемся съ непріятелемъ!.. У русскаго народа теперь развязаны руки!..
Вы увидите!..

И эта новая увѣренность французовъ была такъ сильна, что даже намъ, чи-
тавшимъ только французскія газеты, такъ и казалось, что вотъ — вотъ сегодня
или завтра на русскомъ фронѣ начнется неслыханное наступленіе, которое
должно удивить весь міръ своей побѣдою.

Но наступленія почему-то не было...

Что дѣлалось въ это время въ Майи, Мурмелонѣ и на тѣхъ секторахъ, гдѣ
стояли русскія войска? Что чувствовали и о чёмъ думали наши солдаты?

На этотъ вопросъ могу отвѣтить вполнѣ увѣренno. Въ эти дни, т. е. пер-
вые пять-шесть дней послѣ вѣсти объ отреченіи царя, большинство солдатъ ни
о чёмъ не думало, ничего не чувствовало и находилось въ состояніи какого-то
іѣтскаго недоумѣнія.

Находившіяся во Франціи русскія войска выѣхали изъ Россіи еще въ концѣ
1915-го года, т. е. въ тотъ періодъ времени, когда не только среди солдатъ, но и
среди рабочихъ не было рѣчи о возможности революціи и отреченіи царя отъ

престола. По пріїздѣ во Францію — русскіе солдаты въ теченіе одного года только и слышали отъ французовъ, что русскій царь самый большой другъ Франціи; почти на каждомъ шагу тѣ же солдаты могли наблюдать портреты Николая II-го, висѣвшіе рядомъ съ изображеніемъ Пуанкарэ, и они то всего за 2 мѣсяца до 2-го марта получили изъ Россіи «царицыны» подарки русскимъ воинамъ во Франціи — маленькие молитвенички съ молитвами за царя и царицу и открытые письма съ портретами наслѣдника Алексея...

И вдругъ, царь — отрекся...

Солдаты растерялись и положительно не знали, къ кому обратиться съ разными спросами и кого просить такъ или иначе освѣтить совершившееся. Отъ офицеровъ этихъ объясненій ждать было нечего. Они сами растерялись не менѣе солдатъ, причемъ эта растерянность была тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ старше былъ офицеръ по возрасту и служебному положенію.

— Вамъ то что! — замѣтилъ своимъ солдатамъ командиръ маршевого батальона полковникъ С. — Отрекся царь и больше ничего. Надоѣло ему возиться съ такими дураками, вотъ и отрекся... Всякому надоѣсть!

Солдаты молчали и стояли передъ своимъ командиромъ, опустивъ голову, какъ будто бы дѣйствительно чувствовали себя виновниками отреченія царя. Несколько дней всѣ находились буквально въ состояніи какого-то умственнаго столбняка. И только позднѣе, когда по телеграфу изъ Петрограда передали первые приказы нового военнаго министра (Гучкова) о реформахъ въ арміи, т. е. о новыхъ правахъ солдатъ и о допущеніи въ ряды арміи принциповъ свободы и равенства — настроение массъ всколыхнулось и заставило серьезно задуматься нѣкоторыхъ начальниковъ.

V

Дисциплина еще существовала, но существовала только по инерціи, и, вѣроятно, продержалась бы еще больше, еслибы не пришелъ и во Францію приказъ о введеніи войсковыхъ комитетовъ, сыгравшихъ, какъ известно, весьма видную роль въ дѣлѣ общаго развала русской арміи.

Изъ Россіи, между тѣмъ, шли приказы за приказами, распоряженія за распоряженіями. Всѣ они въ видѣ телеграммъ, радиотелеграммъ и курьерскихъ пакетовъ попадали первоначально въ канцелярію Русскаго Военнаго Агента во Франціи, полковника графа А. А. Игнатьева, игравшаго, въ свое время, весьма важную роль во французскихъ военныхъ кругахъ. Въ агентствѣ, помѣщавшемся тогда на улицѣ Элизѣ Реклю, съ утра до вечера шла суета; русскіе и французскіе офицеры безпрестанно принимали и расшифровывали телеграммы изъ Россіи, и вслѣдъ затѣмъ пересыпали ихъ на фронтъ командирамъ русскихъ частей. Графъ Игнатьевъ суетился не менѣе своихъ подчиненныхъ офицеровъ и помощниковъ, принималъ безконечныхъ просителей, отдавалъ распоряженія и заводилъ связи съ бывшими политическими эмигрантами, стремясь получить отъ нихъ руководящія инструкціи для проведенія въ жизнь новыхъ приказовъ.

И вотъ появился новый приказъ военнаго министра, причинившій не мало хлопотъ и имѣвшій весьма серьезный послѣдствія. Правительство предписывало изъ Петрограда не препятствовать доступу къ русскимъ войскамъ всѣхъ лекторовъ «на политическая темы», если таковые пожелаютъ во Франціи изложить свои мысли молодымъ солдатамъ-гражданамъ. Разумѣется, проникнуть въ боевые траншеи частному лектору было трудно, — тамъ приходилось имѣть дѣло съ правилами французовъ. Но тыловые батальоны въ Майи и Мурмелонѣ, а также многочисленные госпитали, разбросанные по всей Франціи, гдѣ лежали русскіе больные и раненые — широко раскрывали свои двери для посѣщенія самыхъ разнообразныхъ посѣтителей, будившихъ гражданскія мысли русскихъ солдатъ и старавшихся «углублять» революцію.

Я уже упоминалъ о Латинскомъ Кварталѣ и эмигрантахъ разнообразныхъ толковъ. Для послѣднихъ теперь были широко открыты всѣ двери русскихъ правительственныйхъ бюро въ Парижѣ. Гонимые и преслѣдуемые всего мѣсяцъ назадъ, они сдѣлались теперь въ этихъ бюро почетными гостями, при чемъ не разъ приходилось наблюдать, какъ иѣкоторые дипломаты и офицеры гвардейскихъ полковъ, продолжавшіе работать въ миссіяхъ, услужливо придвигали бывшимъ эмигрантамъ стулья и старались изошряться передъ ними въ любезностяхъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что часть эмигрантовъ, принадлежавшихъ къ наиболѣе виднымъ и честнымъ патріотамъ, — почти тотчасъ же вслѣдъ за переворотомъ послѣшила уѣхать въ Россію (Плехановъ, Карповичъ, Лебедевъ и др.). Остались только тѣ, кто былъ прочно связанъ съ Франціей дѣлами и личною жизнью, и, кромѣ послѣднихъ, остались въ большомъ количествѣ тѣ, кто исповѣдывалъ убѣжденія, схожія съ убѣжденіями пораженцевъ и большевиковъ.

И воть они-то, въ большинствѣ, и направились въ госпитали читать съ разрѣшеніемъ начальства лекціи нашимъ солдатамъ-гражданамъ. Имъ безпрепятственно давались всякие пропуски и разрѣшенія, такъ какъ никто изъ представителей русской власти во Франціи не хотѣлъ заслужить упрека въ невнимательномъ отношеніи къ приказамъ новаго правительства. И кромѣ того — развѣ кто-либо изъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ представителей въ Парижѣ зналъ хорошо въ то время, кто такие большевики и меньшевики, и чего, въ сущности, хотятъ тѣ и другіе...

Для нихъ, такъ же, какъ для большинства другихъ военныхъ, были одни только эмигранты, которыхъ нельзя было не пускать къ народу, освобожденному ими же въ цѣляхъ общаго блага и скорѣйшей побѣды надъ врагомъ... Членіе лекцій въ госпиталяхъ и другая открытая пропаганда шли весьма энергичнымъ темпомъ среди нашихъ солдатъ уже съ середины марта 1917 года. Подлиннаго приказа о введеніи въ войскахъ «комитетовъ» еще не приходило во Францію, но въ первомъ полку уже самостоителъно и съ разрѣшеніемъ начальства образовался такъ называемый «полковой совѣтъ» изъ солдатъ, сразу же поведшій опредѣленную политику критики офицеровъ, команднаго состава и, отчасти, французовъ, на землѣ которыхъ сражались наши войска.

Приходившіе на засѣданія совѣта офицеры съ удивленіемъ прислушивались къ непривычнымъ для ихъ уха рѣчамъ солдатъ-ораторовъ, звучавшимъ все сильнѣе и сильнѣе.

Но виѣшнія обстоятельства, созданныя боевою обстановкою французскаго фронта, на время прервали и аннулировали дѣятельность этого «совѣта».

Началось общее весеннее наступленіе французскихъ армій 1917 года, въ коемъ приняли участіе и наши полки.

Пропаганда еще не успѣла окончательно отравить русскихъ воиновъ къ этому времени, а оставшаяся «по инерціи» старая дисциплина и личный примѣръ Лохвицкаго, человѣка непрітворной личной храбости, дала имъ возможность съ честью выполнить трудную боевую задачу.

Первая русская бригада во главѣ съ Лохвицкимъ блестяще дралась на фронѣ во время наступленія и взяла укрѣпленный нѣмцами замокъ Курси. Было совершено много отдельныхъ подвиговъ, были розданы георгіевскіе и французскіе военные кресты. И было не мало убитыхъ, а еще больше было раненыхъ.

Эти то раненые и сыграли одну изъ видныхъ ролей въ дѣлѣ послѣдовавшаго затѣмъ развала.

Наступленіе кончилось, французы остановились, Курси было взято.

Русскія бригады были отведены въ тылъ для отдыха и пополненія, а большинство нашихъ раненыхъ (нѣсколько тысячъ) было эвакуировано въ Парижскіе госпитали, на югъ Франціи и въ Нормандію.

Наступила весна.

Въ Россіи уже работалъ Керенскій, и все выше и выше поднимали голову солдатскіе и рабочіе депутаты.

Едва наши раненые заняли койки въ парижскихъ госпиталяхъ, какъ изъ рога изобилія посыпались къ нимъ лекторы и просвѣтители.

О чёмъ говорилось солдатамъ? Обо всемъ, кроме необходимости продолжать войну съ немцами, оставаться вѣрными союзникамъ и подчиняться своим начальникамъ. Читалось объ ошибкахъ и злоупотребленияхъ царя и всѣхъ вообще Романовыхъ, о реакціонности царскихъ офицеровъ, о необходимости проочно держаться за отвоеванную русскимъ народомъ свободу.

А на ряду съ этими лекціями, кто-то усиленно подстрекалъ нашихъ солдат противъ французскихъ госпитальныхъ порядковъ, противъ французовъ-врачей, противъ санитаровъ, противъ сестеръ милосердія.

Я не скажу, чтобы условия пребыванія и леченія въ военныхъ госпиталяхъ Франціи можно было назвать идеальными. Но русскіе солдаты содержались, жились и кормились въ нихъ такъ же, какъ и собственные воины-французы, особенно же исключений для солдатъ иностранныхъ армій, разумѣется, не дѣлалось. Пропаганда работала на всѣхъ парахъ. Самые ничтожные факты и всегда возможные недочеты раздувались въ цѣлыхъ событія и вскорѣ въ отдыхавшихъ послѣ боевъ русскихъ полкахъ стали носиться слухи о безчеловѣчномъ отношении французовъ-врачей къ нашимъ раненымъ. Полки въ это время группировались въ районѣ Эпернѣ, близь замковъ Бай и Монморь.

Подходилъ май. Въ полкахъ уже дѣйствовали комитеты и въ особенности «полковой совѣтъ» первого полка, во главѣ котораго сталъ, быстро выдѣлившійся изъ массы, солдатъ-латышъ, по фамиліи Болтайсъ. Загремѣли рѣчи, посыпались требования къ начальству, быстро обострились отношения между офицерами и солдатами.

А изъ госпиталей въ это время уже шли обратно выздоровѣвшіе раненые, или окончательно деморализованными и настроенными противъ начальства и французовъ.

Керенскій переживалъ въ Россіи дни расцвѣта своей популярности, Ленинъ былъ уже въ Петроградѣ и помѣщался въ домѣ Кшесинской, а многочисленные агитаторы успѣшино дѣйствовали во Франціи среди русскихъ солдатъ, расшатывая остатки дисциплины и сплоченности экспедиціоннаго отряда.

Перваго мая 1917-года, по желанію солдатскихъ комитетовъ въ русскомъ отрядѣ состоялось празднованіе всемирнаго рабочаго праздника. Полки вышли на широкую мѣстную поляну (въ районѣ замковъ Монморь и Бай) и вынесли множество красныхъ флаговъ съ разнообразными революціонными надписями.

Необходимо отмѣтить, что къ этому времени старыя полковыя знамена въ частяхъ отряда были уже «аннулированы» по требованію тѣхъ же комитетовъ и, будучи свернуты и уложены въ ящикъ, были направлены въ Парижъ, въ канцелярію Военнаго Агента.

Я долгое время впослѣдствіи наблюдалъ этотъ ящикъ, стоявшій въ помѣщеніи Агентства на улицѣ Элизѣ Реклю, но какое назначеніе онъ получилъ впослѣдствіи — мнѣ неизвѣстно.

На празднованіе перваго мая въ полкахъ пріѣхалъ Представитель Русскаго Верховнаго Командованія генералъ Палицынъ, имѣвшій намѣреніе бесѣдовать съ солдатами и выяснить ихъ желанія и нужды.

Но взамѣнъ опредѣленныхъ и спокойныхъ отвѣтовъ генералу Палицыну пришлось выслушать дерзкіе выкрики, несшіеся изъ солдатской толпы, и получить массу совершенно незаслуженныхъ оскорблений, на которыхъ, разумѣется, было невозможно реагировать.

Генералъ Палицынъ покинулъ мѣсто «праздника», убѣдившись въ томъ, что прежній «русскій отрядъ» во Франціи пересталъ существовать, превратившись въ нечто новое, совершенно чуждое старому генералу.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ эпизодомъ генералъ Палицынъ покинулъ свой постъ и ушелъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто вновь назначенному Временнымъ Правительствомъ генералу Занкевичу.

Того же первого мая, вечеромъ, какіе-то представители комитета изъ писарей 1-ой бригады, усълись въ штабной автомобиль и, выкинувъ красный и черный флаги, помчались объѣзжать окрестности Монмора и Бай; окрестности эти были заняты также и пришедшими съ фронта французскими войсками, съ удивленіемъ смотрѣвшими на автомобиль, украшенный знаками революціи и анархіи.

Командный составъ и офицеры утратили надъ солдатами всяную власть. Новые приказы лишали ихъ почти всѣхъ начальническихъ правъ, и солдаты могли дѣлать передъ офицерами что угодно, не боясь дисциплинарныхъ взысканій, такъ какъ право ихъ наложенія отъ офицеровъ было отнято.

Началось солдатское пьянство, повторилось нѣсколько случаевъ кражъ, грабежей и насилия, имѣвшихъ мѣсто въ сосѣднихъ французскихъ деревняхъ и произведенныхъ русскими солдатами.

Командиры полковъ ежедневно совѣтовались со своими офицерами, собирая мнѣнія, выносили рѣшенія, но ничего реального осуществить не могли...

Постепенно начало разлагаться и офицерство. Появились офицеры, стре-чившіеся сдѣлать «революціонную карьеру» и искавшіе «популярности» среди солдатъ, открыто выступая съ рѣчами на солдатскихъ митингахъ, причемъ въ этихъ рѣчахъ неизмѣнно обливались грязью старшіе начальники, на которыхъ безъ стѣсненія возводились всякія небылицы. Генералъ Лохвицкій со своимъ штабомъ сидѣлъ въ замкѣ Бай, — генералъ Марушевскій въ замкѣ Монморъ. Оба генерала, находясь въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ, почти не сообщались другъ съ другомъ и пассивно выжидали дальнѣйшихъ событий, возмущаясь Петроградскими приказами, съ поражающею быстротою превращавшими ихъ отряды въ разнуданную толпу.

VI

«Полковой совѣтъ» во главѣ съ Болтайсомъ пріобрѣталъ все болѣше и болѣе вліянія на солдатъ. Первый полкъ, формировавшійся въ Москвѣ, былъ, какъ оказалось, почти цѣликомъ составленъ изъ рабочихъ, приказчиковъ, конторщиковъ и другихъ, такъ называемыхъ, полуинтеллигентовъ. Этотъ полкъ первымъ годъ назадъ ступилъ на землю Франціи и въ теченіе зимы прекрасно сражался на поляхъ Шампани.

Но болѣзнь разложенія постигла первымъ дѣломъ этотъ же самый полкъ.

Второй полкъ имѣлъ въ своихъ рядахъ большій процентъ крестьянъ земледѣльцевъ, а потому его солдаты казались болѣе спокойными и пассивными, ишли къ деморализаціи нѣсколько медленнѣе. Полки же другой бригады были почти цѣликомъ собраны изъ земледѣльцевъ и крестьянъ-сибиряковъ, а потому сыграли во всей трагедіи совершенно особую роль, о которой я буду говорить своевременно.

Разумѣется, ни все усилившееся политикачество солдатъ, ни работа комитетовъ, ни умирание дисциплины, ни красные и черные флаги, развѣвавшіеся на виду у французскихъ солдатъ, не могли остататься незамѣченными французскимъ командованіемъ.

О томъ, чтобы вести русскихъ снова на фронтъ послѣ отдыха — теперь не могло быть и рѣчи; держать же ихъ вблизи своего фронта при наличіи всего того, что начинало твориться — также не было разумнымъ и безопаснымъ.

И къ концу мая было рѣшено перевести всѣхъ русскихъ «подальше отъ бѣды», а именно въ самый центръ Франціи, въ лагерь Ля-Куртина департамента Крэзъ.

Почти одновременно съ этимъ прибылъ во Францію снабженный «особо широкими полномочіями» военный представитель Временного Правительства генералъ Занкевичъ, смѣнившій генерала Палицына, и тогда же телеграммой Керенского былъ назначенъ комиссаромъ военного министра давно проживавшій въ Парижѣ русский адвокатъ — эмигрантъ Евгений Ивановичъ Раппъ.

Послѣдній уже успѣлъ нѣсколько разъ побывать среди солдатъ и обращаться къ нимъ съ рѣчами, призывающими къ порядку и разумной дисциплинѣ. Но рѣчи Раппа не имѣли почти никакого значенія, и къ началу іюня Раппъ уже слыть въ солдатскихъ кругахъ «буржуемъ» и приспѣшникомъ царскихъ генераловъ.

Лагерь Ля-Куртина, занимавшій своими постройками обширную площадь, сжатую со всѣхъ сторонъ возвышеностями, былъ расположенъ близъ городка того же названія и въ десяткахъ километровъ отъ старинныхъ французскихъ городковъ Фельтена и Абьюссона.

Приходъ русскихъ солдатъ въ количествѣ, приближавшемся къ двадцати тысячамъ, былъ весьма на руку мѣстнымъ торговцамъ и коммерсантамъ, такъ какъ давалъ имъ возможность расширить торговлю и поправить дѣла.

Французскіе торговцы и лавочники не переставали любить нашихъ земляковъ, т. к. всегда видѣли въ нихъ хорошихъ и щедрыхъ покупателей.

Наши же люди, получавшіе сравнительно хорошее солдатское жалованье, не стѣснялись его тратить до послѣдняго сантима въ лавкахъ и распивочныхъ, представляя въ этомъ случаѣ диаметральную противоположность экономнымъ французскимъ „*poilus*“.

Въ первыхъ числахъ іюня 1917 года первый и второй полкъ, т. е. «полкъ Марселя и Курси» прибыли въ Ля-Куртина. Туда же ожидалось прибытіе и двухъ остальныхъ полковъ бригады Марушевскаго, т. к. послѣдовавшимъ приказомъ всѣ они соединялись въ одну общую дивизію подъ единымъ командованіемъ генерала Лохвицкаго. Но полки Марушевскаго нѣсколько запаздывали въ силу чисто техническихъ условій переброски войскъ по желѣзной дорогѣ, а потому Ля-Куртина первыми заняли тѣ изъ солдатъ, среди коихъ уже наиболѣе открыто носились взглѣды и идеи Ленина.

Полковой совѣтъ первого полка, во главѣ съ латышемъ Болтайсомъ, прибылъ въ Ля-Куртина чуть ли не во главѣ всѣхъ эшелоновъ, прочно утвердился въ особой палаткѣ и уже опредѣленно дирижировалъ массами.

Дни стояли солнечные, теплые, начало французского лѣта было въполномъ разгарѣ. На лужайкахъ и полянахъ, на береговыхъ склонахъ большого озера и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ бараковъ съ утра до вечера гремѣли рѣчи ораторовъ и собирались митинги. Съ этими явленіями нельзя было ничего подѣлать, т. к. приказы Керенскаго, бывшаго тогда военнымъ министромъ, поощряли всякую свободу слова и на эту свободу слова благословляла открыто присланная изъ Россіи «Декларація правъ солдата».

Болтайсъ съ помощниками выпускалъ литографированные «бюллетени», въ которыхъ помѣщалъ главнымъ образомъ такія вещи, какъ «памятка солдата» Льва Толстого, совѣтовавшаго ни съ кѣмъ и никогда не воевать, бросить винтовку, вспомнить о ближнемъ и т. д. И опять-таки никто не могъ запретить выпускать эти бюллетени, т. к. всякая свобода слова разрѣшалась «деклараціей правъ» и не могла же эта свобода препятствовать ознакомленію съ мыслями великаго Толстого, когда-то гонимаго свергнутымъ царемъ за свою правду.

Числу къ 10-му іюня выяснилось, что первый и второй полки окончательно распропагандированы. Ихъ комитетами были вынесены резолюціи о нежеланіи въ дальнѣйшемъ сражаться на французскомъ фронѣ, т. к. въ этомъ, по мнѣнію солдатъ, не было никакого смысла. Резолюціи эти вполнѣ подошли ко вкусамъ и мыслямъ солдатскихъ массъ, а фигура Болтайса сдѣлалась еще болѣе популярной.

— Правильно! — кричалось на митингахъ, — не воевать больше, и все тутъ! Пусть настѣ везутъ въ Россію — тамъ повоюемъ, если нужно! Французы же намъ нечего подпирать, пусть сами подпираются! Развѣ у нихъ республика? У французовъ республика буржуазная, всѣ они буржуи! У нихъ третья республика, товарищи! Не воевать здѣсь больше, требовать отправки въ Россію!

Въ то время, когда звучали эти рѣчи, къ Ля-Куртина стали подходить за-
поздавшіе на нѣсколько дней эшелоны бригады Марушевскаго.

«Полковой совѣтъ», на дверяхъ помѣщеній котораго уже открыто былъ на-
чертанъ мѣломъ лозунгъ «долой войну» — встрепенулся и взволновался.

Нужно было дѣлать все возможное, чтобы склонить солдатскія массы двухъ
другихъ полковъ на свою сторону и заставить ихъ примкнуть къ вожакамъ дви-
женія,

Но здѣсь этихъ вожаковъ постигла неожиданная неудача. Полки Марушев-
скаго (генерала этого, между прочимъ, уже не было во Франціи, т. к. онъ уѣхалъ
въ Россію) къ движенію не примкнули и идти за Болтайсомъ не пожелали, не-
смотря на всѣ усиленія послѣдняго.

«Совѣтъ» первого полка выслалъ на вокзалъ Ля-Куртина особыхъ эмис-
саровъ-уговорщиковъ, въ задачу коихъ входило убѣдить прѣѣзжавшихъ «товари-
щей» согласиться перестать воевать во Франціи и поступить такъ, какъ будуть
поступать 1-ый и 2-ой полки.

Но эмиссаровъ не послушали и прогнали.

Тогда «совѣтъ» выслалъ навстрѣчу входившимъ въ Ля-Куртина полкамъ
цѣлую манифестацію съ музыкой и красными флагами, цѣлью которой было скло-
нить эти полки «кончить войну»...

И здѣсь уже произошелъ настоящій крупный скандалъ.

Шедшій впереди входившаго полка офицеръ, завида манифестантамъ 1-ой
бригады, обругалъ ихъ нелестными словами. Манифестанты воспламенились и...
нанесли офицеру оскорблѣніе дѣйствіемъ. Но любимый своими солдатами офи-
церъ встрѣтилъ въ нихъ искреннихъ защитниковъ, начавшихъ немедленную рас-
праву съ оскорбителемъ.

Началась драка, окончившаяся только благодаря вмѣшательству пулемет-
чиковъ, приготовившихъ пулеметы къ дѣйствію и разогнавшихъ этой угрозой
возбужденныя толпы.

Случай этотъ окончательно обострилъ отношенія между бригадой Лохвицкаго
и бригадой Марушевскаго. Бригады пришли во Францію порознь, никогда ранѣе
не соединялись, и на первую бригаду всегда выпадала львиная доля почета и
рекламныхъ похвалъ со стороны французовъ и русскаго высшаго командованія.
Какъ офицеры, такъ и солдаты второй бригады вполнѣ естественно чувствовали
себя обиженными вниманіемъ, оказываемымъ первой.

И когда восхваляемые раньше герои Марселя и Курси неожиданно пошли
на встрѣчу болѣе скромнымъ солдатамъ Марушевскаго съ бунтовщикескимъ тре-
бованіемъ, вполнѣ объяснимо, почему послѣдніе оказались съ ними несо-
гласными.

Дѣло «совѣта» въ войскахъ Марушевскаго «не выгорѣло».

VII

Назрѣвали новыя события, и улицы селенія Ля-Куртина представляли въ
это время необычное зрѣлище.

Тысячи русскихъ солдатъ разгуливали толпами отъ одного погреба къ дру-
гому, безъ конца уничтожали вино и коньякъ и напивались до безчувствія.

Изъ сосѣднихъ городовъ и селеній прѣѣзжали все новыя и новыя торговки-
француженки съ бочками вина, и, располагаясь вдоль дороги въ ближайшихъ ро-
щахъ, успѣшно вели свою торговлю.

Часть офицеровъ, не зная что дѣлать, и не умѣя ничего дѣлать въ такое
необычное время, коротала время по мѣстнымъ ресторанамъ и также отдавала
должную дань Бахусу.

Видя развалъ своихъ славныхъ когда-то частей, совершенно разстроенный и
больной отъ переживаній генералъ Лохвицкій рѣшилъ еще разъ попытаться спа-

сти положеніе. Въ 20-хъ числахъ іюня онъ отдалъ приказъ по дивизіи приступить къ строевымъ занятіямъ, т. к. ни солдаты, ни офицеры все это время ничемъ не дѣлали.

Приказъ этотъ оказался роковымъ. Первый и второй полкъ на занятія *вышли*, заявивъ черезъ комитетъ, что сражаться *во Франціи* они не будуть, а слѣдовательно имъ не для чего и выходить на занятія. Крупный фактъ неповиновенія цѣлыхъ частей во Франціи своему командованію уже былъ на лицо.

Генералъ Лохвицкій уѣхалъ въ Парижъ и черезъ день-два вернулся въ Ля-Куртінъ вмѣстѣ съ представителемъ Временного Правительства генераломъ Занкевичемъ и комиссаромъ Раппомъ.

Цѣлыхъ два дня велись переговоры между представителями комитетовъ и команднымъ составомъ, во главѣ котораго стояли Занкевичъ и Раппъ. Но ни первый, ни второй не могли ни въ чёмъ убѣдить солдатскихъ представителей, во главѣ коихъ стоялъ сдѣлавшійся настоящимъ мѣстнымъ солдатскимъ диктаторомъ уже извѣстный читателю рядовой Болтайсъ.

— Отрядъ не хочетъ оставаться на французскомъ фронти и требуетъ отправленія въ Россію, — заявили солдатскіе делегаты: — Потрудитесь насъ отправить на Родину! Тамъ мы готовы исполнять свой долгъ, гдѣ угодно и какъ угодно! А на французскомъ фронти воевать больше не станемъ. На занятія выходить также не станемъ, такъ какъ намъ больше нечего учиться!

Не только Занкевичъ и Раппъ, но и пріѣхавшіе на эти переговоры старые русскіе эмигранты, совершенно терялись во время диспутовъ съ солдатскими делегатами. Среди этихъ эмигрантовъ былъ привезенъ въ Ля-Куртінъ пятидесятилѣтній Ивановъ, двадцать лѣтъ просидѣвшій въ Шлиссельбургѣ, причемъ на его революціонный авторитетъ сильно расчитывали и представитель Временного Правительства, Раппъ, и остальные эмигранты. Но солдаты даже не обратили вниманія на слова стараго Шлиссельбуржца.

— Ну, что-же, мы вѣримъ, что вы двадцать лѣтъ сидѣли при Николаѣ!—замѣтилъ одинъ изъ делегатовъ. — Вы сидѣли въ Шлиссельбургѣ, а мы во французскихъ окопахъ... Больше и мы не хотимъ сидѣть!.. Пусть насъ отправляютъ! Свобода, такъ свобода!..

И опять говорились рѣчи, собирались митинги. Во время одного изъ такихъ митинговъ, въ которомъ принимали участіе офицеры, въ толпѣ неожиданно появились три русскихъ матроса, самыхъ настоящихъ матроса, тотчасъ же выступившихъ съ предложеніемъ немедленно расправиться съ офицерами, т. к. «всѣ они враги народа и солдатъ». До расправы дѣло не дошло, но атмосфера еще больше сгустилась.

Оказалось, что матросы пріѣхали въ Ля-Куртінъ изъ Бреста, гдѣ остановился русскій миноносецъ, и цѣлью ихъ пріѣзда было *полученіе сапогъ*...

Послѣ этого случая офицерство 1-ой бригады уже окончательно отошло отъ своихъ солдатъ и не пытались съ ними сближаться.

Полковой священникъ одного изъ полковъ, нѣсколько экспансивный, учѣный іеромонахъ - академикъ постригшійся въ монахи по убѣждѣнію изъ помѣщиковъ, чуть-было не поплатился жизнью послѣ одного своего неудачнаго пастырскаго выступленія.

Выступивъ передъ толпой солдатъ съ проповѣдью о необходимости исполненія воинскаго долга и получивъ въ отвѣтъ дерзкіе выкрики и шутки, онъ неожиданно поднялъ надъ ними крестъ и громкимъ голосомъ заявилъ, что предаетъ всѣхъ непокорныхъ солдатъ анаѳемъ и отлучаетъ ихъ отъ церкви.

Только счастливый случай помогъ священнику избѣгнуть расправы и не быть избитымъ толпой.

VIII

Въ ночь на 25 іюня состоялось окончательное рѣшеніе генерала Занкевича, которому предшествовали долгіе переговоры и дебаты: было рѣшено просить Временное Правительство «установить точку зре́нія на войска первой бригады, отказавшейся категорически сражаться на французскомъ фронтѣ и изъявившей желаніе сражаться съ нѣмцами только въ Россіи, куда они и требовали своего возвращенія».

Для того же, чтобы не обострять отношенія между двумя бригадами, изъ которыхъ вторая изъявила полную покорность Временному Правительству и готова была сражаться гдѣ угодно, былъ отданъ приказъ о «раздѣлѣ бригадъ», совершившемся утромъ 25-го іюня.

Наспѣхъ собравшись и не захвативъ съ собой никакого имущества, два «вѣрныхъ» полка, во главѣ со всѣми офицерами, вышли изъ Ля-Куртина и направились походнымъ порядкомъ къ городу Фельтену, находящемуся въ 20-ти километрахъ отъ лагеря. Высыпавшіе на дорогу «невѣрные» провожали «вѣрныхъ» свистками, и съ этой минуты между первыми и вторыми выросла на долгое время высокая стѣна настоящей ненависти.

Съ этого же момента начинается цѣлая эпоха такъ называемаго «Куртинскаго сидѣнія».

Въ центрѣ Франціи, среди тихихъ буржуазныхъ селеній въ громадномъ лагерѣ зажили совершенно особою, необычною жизнью около десяти тысячъ мятежныхъ вооруженныхъ русскихъ солдатъ, не имѣвшихъ при себѣ офицеровъ и не желавшихъ подчиняться никому рѣшительно. Образовалась своего рода настоящая русская вольница во Франціи, главную роль въ управлѣніи коей игралъ тотъ же Болтайсъ. Вольница ни въ чемъ не нуждалась, т. к. французское правительство не рѣшалось ни на какія рѣзкія мѣры въ отношеніи прекращенія довольствія, ибо вмѣшиваться «во внутреннія» русскія дѣла ему не было предоставлено право.

«Вѣрные» или, какъ ихъ теперь называли, «Фельтенцы» — сидѣли около Фельтена въ палаткахъ, страдали отъ дождя и сырости и озлоблялись противъ Куртинцевъ еще больше.

Нѣкоторые изъ Фельтенцевъ пробовали ѻздить и ходить въ Куртинъ за оставленными тамъ вещами, но при появлѣніи такого смѣльчака среди Куртинцевъ — послѣдніе немедленно подвергали его аресту, какъ «provokatora» и, выдержавъ подъ арестомъ изрядный срокъ, отправляли обратно во-свойси.

Фельтенцы неистовствовали—и... стали роптать на начальство, которое «миндалъничаетъ» съ такими негодяями, какъ Куртинцы...

Начальство же ничего не могло сдѣлать, т. к. выжидало отъ Керенского телеграммы съ «установленіемъ »точки зре́нія...

Наконецъ, точка зре́нія была установлена. Къ 20-му числу іюля отъ Керенского пришла на имя Занкевича телеграмма, въ коей сообщалось, что никакого возвращенія русскихъ войскъ въ Россію быть не можетъ, а всѣ должны подчиняться безпрекословно приказу Временного Правительства. Непокорныхъ же Керенскій приказывалъ привести къ повиновенію силою оружія «вѣрныхъ» частей. «Вмѣшательство же въ это дѣло французовъ — телеграфировалъ Керенскій — считаю недопустимымъ и неприличнымъ».

Тотчасъ же вслѣдъ за получениемъ этихъ распоряженій генералъ Занкевичъ прїѣхалъ въ Фельтенъ и послалъ въ Ля-Куртинъ особую миссію для того, чтобы объявить солдатамъ волю Временного Правительства. Тогда же всѣмъ было объявлено приказаніе выйти изъ Ля-Куртина и къ извѣстному часу присоединиться къ «вѣрнымъ» Фельтенцамъ чѣмъ, такъ сказать, выразить свою покорность законному русскому правительству.

Болтайсъ, комитетъ 1-го полка, а съ нимъ еще около восьмисотъ человѣкъ вышли на присоединеніе, но вся остальная масса Куртинцевъ послѣ всевозмож-

ныхъ недоразумѣній опять вернулась въ Ля-Куртинъ. Эта масса уже отвергала Болтайса.

Болтайсъ и члены «совѣта» первого полка были арестованы, началось разслѣдованіе ихъ дѣятельности и т. д. А Куртинцы продолжали сидѣть въ Куртингъ, проявляя уже чисто русское упрямство, и никуда не хотѣли выходить изъ лагеря.

Фельтенцы волновались и злобствовали, ругая начальство за слабость, заливая горе и злобу не перестававшимъ подвозиться французами виномъ...

Въ Куртингъ началось настоящее паломничество всевозможныхъ делегатовъ, комиссаровъ и любителей политиковъ... Пріѣхали изъ Петрограда члены совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ во главѣ со Смирновымъ — и ничѣмъ не отличились, кромѣ произнесенія рѣчей, на которыхъ солдаты отвѣчали смѣхомъ. Пріѣхалъ комиссаръ Временного Правительства Сватиковъ, также произносилъ горячія рѣчи, но во время одной изъ таковыхъ былъ названъ кѣмъ-то изъ солдатъ «парикмахеромъ изъ Парижа» и рѣшительно ни въ чёмъ не убѣдилъ своихъ слушателей...

Занкевичъ терялся все больше и больше, не зная съ кѣмъ посовѣтоваться и на кого опереться. Совѣты Раппа не помогали, генералъ Лохвицкій производилъ на всѣхъ впечатлѣніе совершенно большого человѣка, до того его извели всѣ эти событія; военный же агентъ графъ Игнатьевъ соблюдалъ строгую дипломатію, ни во что «строевое» не вмѣшивался и дѣлалъ видъ, что онъ вообще ничего не знаетъ о Ля-Куртингъ.

Офицеры бездѣйствовали, деморализовались, їздили въ Парижъ и безсмыс-ленно тратили деньги. Французы смущенно смотрѣли на всю эту печальную исторію и въ то же время въ ихъ министерствахъ уже начинали серьезно беспокоиться, т. к. дѣло Ля-Куртингъ не могло не волновать общественнааго мнѣнія страны.

Начался августъ, «Куртингское сидѣніе» продолжалось. Фельтенцевъ, на-конецъ, рѣшили «отдалить отъ зла» и перевели въ лагерь Курно близъ Бордо, въ условія хорошаго курортнаго климата. Куртингъ остался уже совсѣмъ одинъ со своею вооруженою русской вольницей. Положеніе было труднымъ. Необходимо было что либо сдѣлать съ Куртингцами, т. к. оставлять въ центрѣ Франціи до скончанія вѣковъ русскую вольницу — представлялось мало рациональнымъ.

О Куртингцахъ зналъ уже хорошо и Корниловъ, занимавшій въ то время въ Россіи постъ Верховнаго Главнокомандующаго. Пришла телеграмма, въ которой онъ приказывалъ привести Куртингцевъ «къ повиновенію» и отправить въ Салоники...

Но какимъ образомъ привести къ повиновенію? Куртингцы были вооружены не только винтовками, но и пулеметами, у нихъ же находились цѣлые склады ручныхъ гранатъ — а отдать свое оружіе они категорически отказывались. Ружейный и пулеметный огонь «вѣрныхъ» войскъ на нихъ врядъ-ли могъ воздѣйствовать, такъ какъ имъ никто бы не мѣшалъ, сколько угодно, сидѣть въ каменныхъ казармахъ, защищенныхъ отъ пуль. Нужна была артиллериа — а ея у русскихъ не было, французамъ вмѣшиваться въ наши дѣла было нельзя.

* * *

Проходилъ и августъ. И вдругъ общее напряженіе разрядилось благодаря новому обстоятельству.

Изъ Архангельска черезъ Францію слѣдовала въ Салоники артиллериjsкая бригада подъ командой генерала Бѣляева; слѣдовали, какъ и всегда, одни только люди, безъ пушекъ; но люди эти были уже настоящими солдатами-патріотами революціонной арміи, т. к. пережили революцію въ Россіи и по собственному же-ланію їхали на Салоникскій фронтъ.

Къ этимъ то артиллеристамъ и рѣшили обратиться за содѣйствіемъ русскія военные власти во Франціи. Представлялась возможность ликвидировать все дѣло безъ помощи французовъ.

Весь вопросъ Куртина былъ переданъ на подробное обсужденіе артиллерійскаго солдатскаго комитета. Послѣдній вынесъ резолюцію «предварительно переговорить» съ Куртицами, будучи увѣренъ, что такіе переговоры кончатъ дѣло миромъ.

Но увы, и артиллеристы потерпѣли «фіаско», несмотря на всѣ свои старанія внушить Куртицамъ идеи истинной демократіи и свободы....

Ихъ паломничества въ Ля-Куртина повторялись нѣсколько разъ, и въ результатѣ привели уже и артиллерійскій комитетъ къ убѣждѣнію, что самымъ лучшимъ средствомъ для приведенія Куртицевъ къ повиновенію является возможно скорое полученіе отъ французовъ артиллерійскихъ орудій...

Послѣднее было выполнено очень скоро и къ 1-му сентября 1917 года вооруженная артиллерія прибыла въ Ля-Куртина.

Генералъ Занкевичъ и комиссаръ Раппъ пробовали еще разъ образумить упорныхъ Куртицевъ. Въ лагерь были командированы особые делегаты съ поученіемъ расклейть повсюду копію телеграммы генерала Корнилова съ приказаніемъ приведенія мятежниковъ къ повиновенію силою оружія.

Но прошло два-три дня и во французскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что самъ Корниловъ объявленъ Керенскимъ измѣнникомъ и контрь-революционеромъ... Получилась невообразимая, тяжелая путаница, изъ которой выбраться на вѣрный путь было окончательно невозможно.

Солдаты-мятежники не желали больше ни съ кѣмъ разговаривать, замкнулись въ своеемъ Куртина и главарями ихъ было отдано строгое приказаніе никуда не выходить изъ лагеря подъ страхомъ самыхъ строгихъ товарищескихъ наказаній.

И всѣ девять тысячъ вполнѣ подчинились этому приказу и уже ни одинъ человѣкъ не выходилъ изъ злополучнаго лагеря.

IX

Къ Куртину подошла не только артиллерія, но прѣѣхали изъ Курно и батальоны «волонтеровъ» изъ «вѣрныхъ» подъ командою боевого полковника Готтуа.

Артиллерія заняла позиціи на ближайшихъ горныхъ склонахъ, пѣхота начала рыть окопы, устраивая по всѣмъ правиламъ подступы къ Ля-Куртина...

А окрестности этого рокового для русскихъ мѣста во Франціи были озѣплены кольцомъ французовъ альпійцевъ, зорко слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы на театръ новой русско-русской войны не проскользнула ни одна чужая человѣческая душа...

Село Ля-Куртина опустѣло до единаго человѣка, т. к. всѣ его обитатели были выселены въ сосѣдніе города...

1-го сентября въ Куртина былъ посланъ генераломъ Занкевичемъ ультиматумъ, коимъ мятежники предупреждались о томъ, что въ случаѣ ихъ отказа выйти изъ лагеря и сдать оружіе къ 9-ти часамъ утра 2-го сентября — стоящей на позиціи артиллеріей будетъ открытъ огонь.

Ночь прошла напряженно, но безмолвно.

Утромъ, часовъ въ 8, стоявшіе на возвышенностяхъ вокругъ Куртина офицеры и другіе наблюдатели увидѣли, что на большой площади среди бараковъ лагеря стали толпою собираться солдаты, группируясь около оркестра военной музыки, сверкавшаго на солнцѣ своими трубами.

Въ скоромъ времени грянула музыка. Оркестръ сыгралъ «Марсельезу», за которой слѣдовалъ «похоронный маршъ».

Когда впослѣдствіи я спрашивалъ у нѣкоторыхъ изъ вожаковъ, какое значеніе придавалось ими исполненію этихъ двухъ вещей, мнѣ отвѣчали, что «марсельеза» съ «похороннымъ маршемъ»—означали готовность умереть за свободу...

Вслѣдъ за похороннымъ маршемъ оркестръ заигралъ уже какую-то веселую русскую пѣсню — чуть ли не «по напрасну мальчикъ ходишь».

Но пѣсню эту докончить не удалось.

Почти одновременно съ ея началомъ былъ данъ приказъ артиллеріи и первый выстрѣлъ ея прогремѣлъ на Куртинскихъ высотахъ.

Выстрѣлъ оказался мѣткимъ — выпущенная шрапнель разорвалась какъ разъ надъ оркестромъ. Наблюдавшіе съ горы видѣли, какъ всѣ находившіеся на площади неистово бросились въ разныя стороны, поспѣшно стремясь къ казармамъ и камѣннымъ сарайямъ. Черезъ минуту на плантѣ не осталось ни одной живой души.

Какъ удалось впослѣдствіи выяснить, среди большинства солдатъ Ля-Куртина держалась твердая увѣренность, что стрѣлять по нимъ никогда не будуть, и что всѣ предупрежденія объ открытии огня представляли собою одни хитрости начальства.

Нѣкоторыми главарями солдатамъ сообщалось, что на позиціяхъ, дѣйствительно, поставлены пушки, но пушки деревянныя, сдѣланныя по приказу генераловъ изъ простыхъ бревенъ.

За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй — и правильный, методичный обстрѣлъ лагеря начался. Къ полдню стрѣльба стихла, и къ этому же времени начали сказываться результаты ея морального воздействиія.

Явился «перебѣжчикъ-парламентеръ» и заявилъ, что часть солдатъ желаетъ изъявить покорность и сдаться.

Предложеніе «парламентера» было принято, и спустя полчаса изъ лагеря вышло и отдало себя въ распоряженіе «вѣрныхъ» нѣсколько сотенъ солдатъ.

Опять возобновила свой огонь артиллерія — и опять послѣдовала сдача новой партіи людей.

Прошла ночь, наступило слѣдующее утро. Обстрѣлъ Ля-Куртина не прекращался.

3-го, 4-го и 5-го сентября до слуха жителей Абуссона и Фельтена продолжалъ доноситься гулъ орудій, причемъ каждый французъ зналъ, что въ Куртина идетъ бой русскихъ съ русскими.

Къ утру 6-го сентября изъ лагеря уже вышли почти всѣ Куртины въ количествѣ, превышавшемъ 8 тысячъ. Но отъ нихъ уже знали, что человѣкъ двѣсти рѣшили упорствовать до конца и, будучи вооружены винтовками и ручными гранатами, засѣли въ большомъ зданіи офицерскаго собранія.

Началась настоящая подготовка къ штурму этого собранія. Артиллерія сосредоточила свой огонь на его стѣнахъ, а пѣхота подъ командой Готтуа шагъ за шагомъ шла на приступъ.

Орудійная, пулеметная и ружейная стрѣльба слились въ одинъ общій гулъ. Къ собранію подходили съ разныхъ сторонъ, огонь перекрецивался, и по всему было видно, что и окна громаднаго собранія не остаются безответными, что и изъ нихъ летятъ пули.

Одной изъ «вѣрныхъ» ротъ удалось вплотную подойти къ главному входу собранія, и около этого входа завязался настоящій рукопашный бой... Выскочившій изъ дверей солдатъ-куртинецъ убилъ наповалъ «вѣрнаго» — и въ ту же минуту былъ поднятъ на штыки товарищами послѣдняго.

Видя окончательный проигрышъ своего дѣла, наиболѣе разумные и хитрые защитники собранія воспользовались близостью его къ лѣсу, начинавшемуся въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ задняго фасада, и успѣли скрыться.

Между прочимъ, убѣжавшіе въ лѣсъ солдаты скрывались тамъ весьма продолжительное время, не рѣшаясь изъ опасенія за свою судьбу выходить и сдаваться русскому командованію. Уже спустя два-три дня послѣ «взятія» Куртингъ, французские жандармы приводили по одиночкѣ такихъ Куртингевъ, сдавшихся отъ голода и холода.

Этотъ фактъ сидѣнія нашихъ солдатъ въ лѣсахъ породилъ у окрестныхъ французовъ, въ особенности среди дѣтей, любопытную легенду. Пріѣхавшій изъ департамента Крезъ французъ, встрѣченный мною въ Парижѣ спустя годъ послѣ Куртингского дѣла, рассказалъ мнѣ, что многія женщины и дѣти департамента и по сей часъ вѣрятъ въ существованіе «дикихъ русскихъ солдатъ», живущихъ въ лѣсахъ Креза и никуда не желающихъ выходить изъ своихъ берлогъ и убѣжищъ. — «Лѣса Креза раньше изобиловали дикими котами...»—пошутилъ французъ. — «Теперь, послѣ Ля-Куртинга въ нихъ появились и дикие русскіе»...

Нѣсколько человѣкъ было задержано, арестовано и направлено къ другимъ «плѣннымъ».

«Вѣрные» заняли собраніе, разошлись патрулями по всему Куртингу...

Зіяли громадныя бреши въ каменныхъ стѣнахъ, валялась разбросанная утварь, хрустѣли подъ ногами разбитыя стекла.

Девять мертвыхъ тѣлъ валялись на мѣстѣ, около сорока пяти раненыхъ отправили въ госпиталь...

Раненые и убитые были съ обѣихъ сторонъ — и какъ тѣ, такъ и другіе были одними и тѣми же русскими солдатами, поставленными русской революціей и разрушой въ условія небывалой междуусобной войны на французской землѣ...

Батальоны французовъ въ боевыхъ каскахъ и съ примкнутыми штыками разводили въ разныя стороны двигавшіяся въ полномъ порядкѣ партіи русскихъ плѣнныхъ, располагавшихся бивуаками на близайшихъ полянахъ...

Команды русскихъ «вѣрныхъ» унтеръ-офицеровъ и французскихъ сержантовъ пересчитывали и принимали оружіе оставленное сдавшимися Куртингами.

Говорятъ, недосчитались многихъ пулеметовъ — ихъ Куртингы, будто бы, утопили въ озерѣ...

Черезъ два дня бывшіе повстанцы, уже безоружными, были вновь введенены въ Куртингскія казармы. Ихъ всѣхъ перевели на положеніе арестованныхъ и окружили специальными французскими строевыми батальонами.

X

Передъ размѣщеніемъ обезоруженныхъ Куртингевъ по казармамъ имъ было произведено нечто вродѣ смотра, на которомъ присутствовали всѣ высшіе русскіе начальники и множество офицеровъ.

Изъ Абюссона и Лиможа пріѣхали французы-генералы, пожелавшіе своими глазами убѣдиться въ подавленіи русского мятежа.

Девять тысячъ солдатъ были выстроены по-ротно на плацу передъ казармами, на томъ самомъ плацу, гдѣ недѣлю назадъ оркестръ игралъ марсельезу и похоронный маршъ, означавшій готовность умереть за революцію...

Солдаты стояли рядами, вытянувшись въ струнку, совершенно не напоминая своимъ видомъ вчерашнихъ мятежниковъ и покорно слушая рѣчи, которыя произносилъ передъ ихъ шеренгами комиссаръ Е. И. Раппъ.

Послѣдній повторялъ эту рѣчь нѣсколько разъ, по очереди останавливаясь передъ ротами. Говорилъ солдатамъ о томъ, что ему, какъ старику революціи, тяжко видѣть такое поруганіе революціи, какое допустили солдаты-Куртингы, не доросшіе до гражданъ, и показавшіе передъ французами свою темноту.

Генералъ Лохвицкій не вступалъ ни въ какіе разговоры съ солдатами и только молча пропускалъ мимо себя уводимыя въ казармы роты.

Ротами теперь командовали офицеры французы, знавшие русский язык и вновь прибывшие изъ России офицеры, совершенно незнакомые солдатамъ. Солдаты остались весьма довольны.

— Вотъ это офицеры, не то что прежние! — говорили некоторые изъ нихъ.— Сразу видно, что изъ настоящей революционной Россіи... съ ними можно ладить!..

Вновь назначенные же офицеры были никто иные, какъ уѣхавшіе послѣ переворота во Францію стрѣлки-гвардейцы, не подошедши даже къ режиму Временнаго Правительства.

Душою «Куртинскаго сидѣнія» былъ нѣкто Глоба,unterъ-офицеръ южанинъ, по религіи баптистъ. Я не могу отрицать, что человѣкъ этотъ производилъ на меня впечатлѣніе настоящаго фанатика. Нѣкоторые изъ нихъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ сильное влияніе на многочисленныя и въ большинствѣ тѣмныя массы солдатъ, видѣвшихъ въ немъ настоящаго учителя и апостола Свободы.

— Мы должны были спасать революцію... — говорилъ Глоба. — Мы спасали свободу, мы не могли иначе поступать!..

Большинство же Куртинцевъ впослѣдствіи не могло объяснить точно, для чего и въ какихъ цѣляхъ они упорно не желали выходить изъ лагеря, довѣдя дѣло до такихъ печальныхъ результатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ объясняли свое упорство стаднымъ чувствомъ, мѣшившимъ имъ оставить товарищѣй, стыдомъ передъ послѣдними, а также и своею темнотою, не позволявшую разобраться въ сложныхъ событияхъ.

И только однажды мнѣ удалось услышать отвѣтъ, показавшійся мнѣ необыкновенно правдивымъ и пояснявшимъ многое.

— Когда услышали мы, что царь отрекся, — заявилъ мнѣ пожилой солдатъ изъ безграмотныхъ крестьянъ Пермской губ. — когда услышали, то здѣсь же и подумали, что, значитъ, и война кончится... Вѣдь царь насть на войну посыпалъ... А тутъ еще и свобода дана, говорятъ... А зачѣмъ мнѣ свобода, ежели я опять въ окопахъ гнить долженъ... Три года гнилъ, при царѣ-то... А Керенскій опять о войнѣ говорить, что воевать опять нужно... Вотъ и показалось намъ, что здѣсь что-то не такъ, какъ будто обманъ какой-то... Мы народъ темный...

Глоба, Болтайсъ и другіе наиболѣе замѣтныя дѣятели Ля-Куртинскаго дѣла были выдѣлены и направлены въ тюрьмы Бордо, гдѣ содержались нѣкоторое время, послѣ чего распоряженіемъ французскаго правительства всѣ они были переведены на островъ Эксъ, расположенный въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ля-Рошель и Рошфора.

Куртинцы, охраняемые французами, продолжали жить въ Куртинъ, а «вѣрные» занимали лагерь Курно близъ Аркашона.

Производилось разслѣдованіе, выяснялись факты и данныя.

Опять началась осень — вторая осень пребыванія русскихъ войскъ во Франціи...

Къ концу ноября пришли въ Парижъ вѣсти о большевистскомъ переворотѣ въ Петроградѣ, о полнѣйшемъ развалѣ арміи, объ отдѣленіи окраинъ и Украины, о бѣгствѣ Керенскаго и т. д.

И вѣсти эти сдѣлали свое дѣло и въ отрядѣ «вѣрныхъ», точно также превратившемся къ этому времени въ деморализованную толпу, въ общемъ, вполнѣ безвредную, но рѣшительно никуда непригодную въ смыслѣ военному и боевому...

— «Вѣрные» бродили по Курно и Аркашону, какъ сонные мухи, уничтожали вино, спивались и нагоняли уныніе на всѣхъ, кому приходилось наблюдать эти грустные остатки когда-то славнаго и любимаго русскаго экспедиціоннаго отряда во Франціи.

Въ началѣ января 1918 года французское правительство рѣшило ликвидировать весь русскій отрядъ особымъ приказомъ и, уничтоживъ его прежнюю «авто-

яомность», всецѣло подчинило себѣ русскихъ военныхъ во Франціи во всѣхъ отношеніяхъ.

Во главѣ командованія русскими стали французскіе офицеры. Солдатъ, какъ Куртинцевъ, такъ и «вѣрныхъ», разбили на рабочіе команды и разослали для работъ по разнымъ департаментамъ; часть изъ нихъ отмѣченныхъ, какъ болѣе непокорные и деморализованные, въ количествѣ около 3000 отправили въ Африку...

Ленинъ и Троцкій заключили въ это время Брестъ-Литовскій миръ, и на русскихъ во Франціи смотрѣли теперь, какъ на предателей и измѣнниковъ, не разбираясь въ политическихъ убѣжденіяхъ отдѣльныхъ лицъ.

Русскимъ офицерамъ уже давно было рекомендовано переодѣться въ штатское платье и не показываться въ формѣ на улицахъ Парижа во избѣжаніе печальныхъ недоразумѣній.

* * *

Такъ началась, прошла и окончилась печальной памяти исторія Ля-Куртина, и такъ прошли русскіе экспедиціонные отряды во Франціи пестрый путь отъ цвѣтовъ Марселя до междуусобной войны средь холмовъ Креза, разоруженія и полнаго развала въ баракахъ Курно и на океанскихъ островахъ близъ ля-Рошель и Рошфора.

Искать виновныхъ, судить и осуждать — не моя задача, тѣмъ болѣе, что при всемъ стремлѣніи быть объективнымъ я могъ бы все-же впасть въ невольныя ошибки.

И если кто-нибудь стремясь къ той же объективности, найдетъ подобную ошибку въ моемъ разсказѣ и спокойно ее исправить — я ему буду только благодаренъ.
